

MARIAE LEMBI
NOSTRI DUCI ET MAGISTRAE
DO DEDICO¹

---

¹ Марии Лемби, нашей вдохновительнице и наставнице, посвящается
(лат.).

Содержание

От автора	9
Глава первая	11
Глава вторая	38
Глава третья	86
Глава четвертая	123
Глава пятая	155
Глава шестая	183
Глава седьмая	203
Глава восьмая	248
Глава девятая	282
Глава десятая	307
Глава одиннадцатая	341
Глава двенадцатая	386
Словарь морских терминов	422

От автора

Когда пишешь о британском королевском флоте XVIII и начала XIX века, трудно удержаться от субъективных оценок и воздать должное своему герою. Ведь зачастую действительность столь невероятна, что затмевает любой вымысел. Даже чрезвычайно живое воображение с трудом поможет представить щуплую фигуру тогда еще коммодора¹ Нельсона, прыгающего с борта своего покалеченного семидесятичетырехпушечного «Кэптана» в окно кормового балкона восьмидесятипушечного «Сан-Николаса»; вихрем промчавшись по его палубе и захватив корабль, он уже на борту другого гиганта — двадцатипушечного «Сан-Иосифа». И вот, «очутившись на палубе сего первоклассного испанского корабля, убранство коего более подобало дворцу, я получил офицерские шпаги побежденных, каковые передал Уильяму Фирни, одному из моих боцманов, и тот с невозмутимым видом сунул их себе под мышку».

Страницы Битсона, Джеймса, Морских хроник, документы Адмиралтейства, биографические работы Маршалла и О'Берна полны героизма. Подвиги, возможно, чересчур приукрашены (ведь был лишь один Нельсон), но тем не менее не выдуманы — убежденность авторов подтверждает жизненную достоверность событий. Вот почему для меня так важны документальные источники. Из огромного количества превосходных, но дурно описанных языком казенных отчетов баталий я отобрал несколько таких, которыми особенно восхищаюсь. Когда я пишу о каком-либо сражении, то использую шканечные журналы, официальные

---

¹ Капитан 1-го ранга; командующий соединением кораблей.

письма, рапорты, воспоминания современников и участников, чтобы подтвердить каждую деталь. С другой стороны, я не чувствую себя рабом, прикованным к точной хронологии событий; дотошный морской историк заметит, что сражение сэра Джеймса Сомареса в Гибралтарском проливе произошло после сбора урожая. Он также заметит, что по крайней мере одно из описанных мной сражений «Софи» произошло совсем с другим шлюпом, хотя и с таким же парусным вооружением. Действительно, используя документы, стихотворения, письма, я позволил себе ряд вольностей. Короче говоря, порой j'ai pris mon bien là où je l'ai trouvé¹, и в литературно допустимых пределах общеисторической точности я изменял имена, географические названия и второстепенные события, чтобы они вписались в канву моего повествования.

Я придерживаюсь следующей точки зрения. Достойных восхищения людей того времени — таких, как Кокрейн, Байрон, Фальконер, Сеймур, Боскавен, и многих других, не столь знаменитых моряков, из которых я в известной степени лепил моих персонажей, — лучше всего прославить их собственными делами, а не вымышленными подвигами. Подлинность — вот чистый бриллиант, поэтому отзвуки их речений имеют непреходящую ценность.

Мне хотелось бы выразить благодарность за советы и помощь, которую я получил от знающих и бесконечно терпеливых сотрудников Public Records Office² и Национального Морского музея в Гринвиче, а также командира корабля британского королевского флота «Виктори». Польза, которую он принес книге, так же велика, как и его доброта.

---

¹ Хорошей мыслью грешно было не воспользоваться (*фр.*).

² Лондонский архив.

Глава первая

Музыкальный салон губернаторского особняка в Порт Магоне — нарядную, высокую, восьмигранную залу с колоннами — наполняли торжествующие звуки первой части квартета Локателли до мажор. Музыканты-итальянцы, прижатые к дальней стене тесно составленными рядами легких золоченых кресел с круглыми сиденьями, играли со страстной убежденностью, поднимаясь к предпоследнему крещендо, за которым после продолжительной паузы следовал мощный, освобождающий финальный аккорд. Если не все, то некоторые из сидевших в позолоченных креслах внимали крещендо с достойной исполнению напряженностью. Двое таких слушателей сидели в третьем ряду слева. Их места волею случая оказались рядом. Сидевшему с краю мужчине можно было дать и двадцать, и тридцать лет. Его мощная фигура заполнила кресло так, что почти скрыла всю его позолоту. На этом джентльмене была парадная форма лейтенанта королевского флота: синий мундир с белыми лацканами, белый жилет, панталоны и чулки; в петлице — серебряная медаль участника сражения на Ниле¹. Безупречно белая манжета с золотой запонкой отбивала такт, а ярко-голубые глаза на загорелом, но побледневшем от волнения лице с выступившим румянцем не отрывались от смычка в руках первой скрипки. Но вот наступила кульминация, за ней вновь пауза — и завершающие

---

¹ Сражение на Ниле произошло 1–2 августа 1798 г. у мыса Абукир (Египет) между английским флотом под командованием адмирала Горацио Нельсона и французскими кораблями, которыми командовал адмирал Франсуа-Поль Брюэс. Поражение французского флота лишило армию Наполеона во время ее Египетской экспедиции морских коммуникаций.

звуки. С последним аккордом кулак моряка с силой опустился на колено. Офицер откинулся на спинку кресла, закрыв его целиком, счастливо вздохнул и с улыбкой повернулся к соседу. Из уст его было готово вырваться: «По-моему, исполнено великолепно, сэр!», но слова застряли в горле, когда он наткнулся на холодный, если не враждебный взгляд и услышал шепот:

— Если вам уж так нейдет отбивать такт, сударь, умоляю, сделайте это хотя бы вовремя, а не с опережением на полтакта.

Выражение лица Джека Обри изменилось: дружелюбную готовность к общению тут же сменила несколько смущенная враждебность. Он действительно отбивал такт, и, хотя считал, что отбивал точно, это все равно было верхом легкомыслия. Лицо его стало багроветь, он уставился в бесцветные глаза соседа и вскипел: «Я полагаю...», но тут его прервали аккорды зазвучавшей в медленном темпе музыки.

Задумчивая виолончель пропела две собственные фразы, а затем затеяла диалог с альтом. Но музыка уже не захватывала Джека полностью, он поневоле краем глаза изучал досадного соседа. Это был невысокий, темноволосый, бледный человечек в заношенном черном сюртуке — типичный шпак. Возраст его было трудно определить не только потому, что у него была ничем не примечательная внешность, но еще и из-за парика с сединой, по-видимому на основе из металлических нитей и без всяких следов пудры. Ему можно было дать и двадцать лет, и шестьдесят. «Пожалуй, он мой ровесник, — подумал Джек. — Бледная немочь, но до чего спесив!» Сделав такой вывод, он снова погрузился в музыку. Проникаясь ее гармонией, Джек с не меньшим увлечением следил и за мелодической алгеброй изящнейших арабесок. О соседе он вспомнил лишь в перерыве, да и то избегал смотреть в его сторону.

Звуки менуэта заставили молодого офицера произвольно кивать головой, а когда он поймал себя на том, что рука его готова взмыть в воздух, то сунул ее под колено. Менуэт был оригинален и приятен, не более того, но за ним последовала удивительно сложная и драматичная последняя часть, которая, казалось, вот-вот откроет некую тайну. Могучие аккорды сникли до шепота одинокой скрипки, и постоянный гул, который не стихал все это

время в задних рядах, едва ли не заглушал ее звуки. Какой-то военный громко фыркнул, и Джек сердито оглянулся на него. Затем скрипке стали вторить остальные участники квартета, и музыкальный сюжет вернулся к своему началу. Было необходимо вновь попасть в струю, поэтому, когда зазвучала виолончель с ее предсказуемо-неизбежным «пом, пом-пом-пом, по-ом», Джек уткнулся подбородком в грудь и, не сумев удержаться, промычал в унисон с инструментом: «Пом, пом-пом-пом, по-ом». Но тут же получил локтем в ребро и услышал, как в ухо ему шикнули. Вдобавок он заметил, что его взметнувшаяся рука вновь порывается отбивать такт. Опустив ее, он стиснул челюсти и сидел, уставившись себе под ноги, до тех пор пока не стихла музыка.

Джек сполна оценил величественный финал, признав, что тот далеко превзошел незатейливое взвинчивание темы, которого он ожидал, но полного удовольствия уже не получил. Под аплодисменты и общий шум сосед, в свою очередь, смотрел на него не столько с вызовом, сколько с искренним неодобрением. Они не разговаривали, оба сидели так, словно каждый проглотил кол, неприязненно ощущая присутствие друг друга, в то время как миссис Харт, жена коменданта, исполняла на арфе продолжительную и технически весьма каверзную пьесу. Джек Обри посмотрел в высокие, элегантно окна: на зюйд-зюйд-осте огненной точкой в небе Менорки¹ всходил Сатурн. Кстати, толчок в бок был так резок, что больше походил на удар, да еще намеренный. Ни темперамент молодого моряка, ни кодекс офицерской чести не позволяли молча проглотить обиду. А удар это уже не обида, а оскорбление.

Поскольку моряк слишком долго мешкал, гнев стал испаряться и превратился в меланхолию: Джек поневоле стал размышлять о том, что не имеет своего корабля, об обещаниях, данных ему прямо или косвенно — и нарушенных; о многих планах, которые оставались лишь мечтами. Призовому агенту, своему деловому посреднику, он задолжал сто двадцать фунтов, а вскоре предстояло платить пятнадцать процентов от этой суммы. Жалованье же

---

¹ Менорка — самый восточный из Балеарских островов, расположенных у побережья Испании.

его составляло всего пять фунтов двенадцать шиллингов в месяц. Некстати вспомнились иные приятели и сослуживцы. Будучи моложе Джека, они оказались удачливее и обогнали его. В лейтенантских чинах они уже командовали бригами и тендерами, а некоторые даже получили временное звание капитана и ждали его подтверждения. Причем все они захватывали трабакало в Адриатике, тартаны в Лионском заливе, шебеки и сетти¹ по всему побережью Испании. Слава, продвижение по службе, призовые деньги.

Услышав бурю овец, Джек очнулся, принял ошесточенно хлопнуть в ладоши, придав лицу восторженное выражение. Молли Харт сделала книксен и улыбнулась; поймав его взгляд, улыбнулась снова. Он принял аплодировать еще громче, но она как-то почувствовала, что он или не удовлетворен концертом, или отчего-то был невнимателен, и ее радость заметно уменьшилась. Однако исполнительница продолжала благодарить слушателей сияющей улыбкой. В бледно-голубом атласном платье, с двумя нитками жемчуга — жемчуга с корабля «Святая Бригитта» — она выглядела неотразимо.

Джек Обри и его сосед в порыжелом черном сюртуке поднялись одновременно и переглянулись. Джек с выражением холодной неприязни — остатки нарочитого восторга, исчезая, делали его особенно жестким — негромко произнес:

— Мое имя Обри, сэр. Меня можно найти в гостинице «Корона».

— А мое, сэр, Мэтьюрин. Каждое утро я бываю в кофейне Хоселито. Не изволите ли отодвинуться?

У Джека вдруг возникло нестерпимое желание схватить свое хрупкое золоченое кресло и разбить его о голову этого заморыша, однако он сдержался и даже принял довольно учтивый вид. У него не было иного выбора, поскольку поневоле приходилось соблюдать правила хорошего тона. И вскоре ему уже пришлось протискиваться сквозь плотную толпу синих и алых мундиров, среди которых иногда попадались черные сюртуки штатских. Добравшись до тройного кольца, окружавшего миссис Харт, он через головы почитателей воскликнул: «Очаровательно, великолепно, превосход-

---

¹ Различные типы небольших торговых судов Средиземноморья, отличавшихся друг от друга конструкцией корпуса и парусным вооружением.

но исполнено!», помахал ей рукой и вышел из салона. Проходя по холлу, Джек обменялся приветствиями с двумя морскими офицерами. Один из них был его прежним сослуживцем, с которым они сживали в кают-компани «Агамемнона». Тот заметил:

— У тебя какой-то очень недовольный вид, Джек.

Второй, высокий мичман, прямой как палка от такого скопления высоких чинов и собственной накрахмаленной сорочки с оборками, когда-то был младшим офицером его вахты в пору службы Джека на «Тандерере». Наконец, Джек поклонился секретарю коменданта, который ответил улыбкой, поднятыми бровями и многозначительным взглядом.

«Интересно, что за делишки обдeldывает сейчас эта ракаль?» — подумал Джек, направляясь к гавани. Ему вспомнились двуличие секретаря и его собственное недостойное заискивание перед этой, увы, влиятельной персоной. Обри был почти обещан великолепный, хотя и малотоннажный, недавно обшитый медью, только что захваченный французский капер¹. Но тут нагрязнул с Гибралтара брат секретаря, и капер, ясное дело, достался ему. «Поцелуй меня в задницу!» — громко произнес Джек, зло вспомнив, с какой покорностью он встретил это известие наряду с очередными признаниями секретаря в его добром к нему отношении и туманными обещаниями будущих благ. Затем припомнил собственное поведение в нынешний вечер, в особенности то, как он уступил дорогу этому недомерку в шюртуке, не сумев достойно ответить, не найдя подходящих слов, которые были бы одновременно и учтивы, и убийственны. Он был чрезвычайно недоволен самим собой, заносчивым штатским и всем военным флотом в придачу. Не радовали его ни бархатная нежность апрельского вечера, ни хор соловьев в апельсиновой роще, ни грозди звезд, до которых, казалось, можно было дотянуться рукой.

Гостиница «Корона», в которой остановился Джек, несколько напоминала знаменитое заведение с тем же названием в Портсмуте: та же заметная издали надпись киноварью на золоченой

---

¹ Каперское судно, которое с разрешения верховной власти снаряжает за свой счет частное лицо (капер) с целью захвата купеческих кораблей неприятеля. См. далее «Словарь морских терминов», помещенный в конце книги.

вывеске над входом — память о первом британском пришествии. Здание было построено около 1750 года в чисто английском стиле, без всякой оглядки на средиземноморскую архитектуру, за исключением черепичной крыши. Но на этом сходство заканчивалось. Хозяин гостиницы был с Гибралтара, обслуга — жители Испании, вернее, Менорки. Здесь царили запахи оливкового масла, сардин и вина, но не было никакой надежды получить бейкуэльский торт, кекс из Экклза или хотя бы приличный пудинг. Зато ни в одной английской гостинице вы не встретили бы горничную, так похожую на смуглый персик, как Мерседес. Резвой походкой она выбежала на тускло освещенную лестницу и, полная жизни и света, глядя наверх, воскликнула:

— Письмо, тененте¹. Я приносить его...

В следующее мгновение она была рядом с Джеком, улыбаясь с невинным восторгом. Он хорошо представлял себе важность адресованного ему письма, но все же ответил с заученной игривостью, слегка похлопав девушку по мягкому месту.

— И к вам приходит капитан Аллен, — добавила она.

— Аллен? Аллен? На кой черт я ему понадобился?

Капитан Аллен был спокойный, пожилой господин. Единственное, что Джеку было известно о нем, это то, что он американский роялист и считается весьма упертым в своих взглядах. Он мог в любую минуту увалить под ветер и носил длинный жилет.

— Наверно, насчет похорон, — произнес Обри. — Деньги по подписке собирает.

— Плохие новости, тененте? — спросила Мерседес, выйдя в коридор. — Бедный тененте.

Взяв со стола свечу, Джек направился в свой номер. Он не стал вскрывать письмо до тех пор, пока не скинул мундир и не развязал шарф. Затем с опаской посмотрел на адрес. Он заметил, что надпись сделана незнакомым почерком и адресована не лейтенанту, а капитану королевского флота Обри. Нахмурившись, он процедил: «Дурень несчастный» — и перевернул конверт. Черная печать расплылась, поэтому когда он стал нагревать ее на огне свечи, то никак не мог удалить сургуч.

---

¹ Тененте — *исп.* *teniente*: лейтенант.

— Ничего не получается, — произнес он. — Во всяком случае, это не старина Ханкс. Тот всегда запечатывает письмо облаткой. — Ханкс был его агентом, кредитором и мучителем.

Наконец-то ему удалось распечатать пакет. Письмо гласило:

«От достопочтенного лорда Кейта, рыцаря Ордена Бани, Адмирала синего вымпела и Верховного Главнокомандующего судов и кораблей Его Величества, как используемых, так и тех, что будут использоваться на Средиземном море и т. д. и т. п.

В связи с тем что капитан Сэмюэл Аллен, командир шлюпа Его Величества „Софи“, переводится на „Паллас“ по причине кончины капитана Джеймса Брэдби, настоящим вам надлежит проследовать на борт „Софи“ и принять на себя обязанности по командованию ею, требуя от всех офицеров и экипажа указанного шлюпа выполнять свои обязанности со всем послушанием и почтением к вам, как их командиру; вам также надлежит исполнять опубликованные регламенты, а также приказы и указания, которые вы можете время от времени получать от любого из ваших начальников, состоящих на службе Его Величества. Отсюда следует, что ни вы, ни кто-либо из ваших подчиненных не вправе уклониться от своих обязанностей под страхом наказания.

Сей приказ исполнить без промедления.

Дан на борту „Фудруаяна“
в открытом море, 1 апреля 1800 года».

«Джону Обри, эсквайру,
настоящим назначенному командиром
шлюпа Его Величества „Софи“
согласно распоряжению адмирала Томаса Уокера»

Джек Обри еще раз пробежал письмо, однако вначале никак не мог поверить своим глазам — лицо его покраснело и приняло крайне жесткое, суровое выражение. Он заставил себя прочитать приказ вслух строчка за строчкой. Второй раз он читал гораздо быстрее, и только тогда его охватила шедшая из глубины сердца

безмерная радость. Лицо молодого моряка покраснело еще больше и расплылось в произвольной улыбке. Джек громко хохотнул и похлопал письмом по столу, затем сложил его, вновь развернул и перечитал с величайшим вниманием, совершенно забыв о смысле среднего абзаца. Его формулировка на долю секунды обдала Джека холодом, ему показалось, что вот-вот рухнет блистательный новый мир, внезапно открывшийся перед ним: он увидел злополучную дату. Обри поднес письмо к свету и разглядел надежный, утешительный и незыблемый, как скала Гибралтара, водяной знак Адмиралтейства — неизменно внушающий к себе уважение якорь надежды.

Джек не находил себе места. Торопливо расхаживая по комнате, он надел мундир, затем снял, пробормотав при этом со смешком несколько бессвязных фраз:

— А я-то беспокоился... ха-ха, такой славный маленький кораблик — знаю его, отлично знаю... Я считал бы себя счастливейшим из смертных, получив под свое командование какое-нибудь захудалое суденышко, да хоть тот же «Валчер»... словом, любую посудину... А тут великолепное судно, обшитое медью, — чуть ли не единственный четвердечный бриг, то бишь шлюп, в списках действующего флота. Несомненно, чудесная капитанская каюта... а погода-то какая — такая теплынь... ха-ха... Только бы набрать команду — это самое важное дело.

Джек Обри почувствовал острый голод и жажду — он бросился к колокольчику и принялся дергать за веревку. Но не успели замереть его звуки, как Джек высунул голову в коридор и принялся звать горничную:

— Мерседес! Мерседес! Ах вот ты где, дорогуша! Что ты сможешь принести мне поесть — *manger, mangiare*¹? Мясо? Холодное мясо? И бутылку вина, *vino* — две бутылки *vino*. И еще, Мерседес, не придешь ли ко мне и не сделаешь ли кое-что для меня? Я хочу, *desirer*², чтобы ты кое-что сделала для меня, хорошо? Пришей мне, *cosare*³, пуговицу.

---

¹ Есть (*фр., исп.*).

² Желать (*фр.*).

³ Пришивать (*исп.*).

— Хорошо, тененте, — ответила Мерседес, при свете свечи сверкая белками глаз и зубами.

— Уже не тененте, — воскликнул Джек, стиснув ее пухлую, крепкую фигурку. — Капитан! Capitano, ха-ха-ха!

Утром Джек вынырнул из глубокого-глубокого сна; не успев открыть глаза, он ощутил, как его всего распирает от радости, и лишь потом полностью проснулся.

— Конечно, судно не первоклассное, — заметил он, — но кому нужно первоклассное судно, у которого нет ни малейших шансов на самостоятельное плавание? Где оно находится? За артиллерийским причалом, рядом с «Рэттлером». Сейчас же отправлюсь туда, не теряя ни минуты, взгляну на судно. Хотя нет. Надо заранее предупредить о своем приходе. Нет, не так. Прежде всего надо поблагодарить кого следует, а потом договориться о встрече с Алленом. Милый старый Аллен, надо пожелать ему семь футов под килем.

Первым делом Джек Обри перешел через дорогу и заглянул в лавку военной галантереи. Там, используя обширный кредит, он приобрел благородного вида, солидный, массивный эполет — символ его нынешнего чина. Торговец тотчас укрепил знак отличия у него на левом плече. Оба с удовлетворением рассматривали эполет в зеркало, и у торговца, выглядывавшего из-за плеча Джека, на лице появилось выражение неподдельного удовольствия.

Едва успев закрыть за собой дверь лавки, на противоположной стороне улицы, рядом с кофейней, Джек заметил давешнего господина в черном сюртуке. Ему тотчас вспомнились события вчерашнего дня, и он поспешно направился к нему со словами:

— Мистер... Мистер Мэтьюрин. Это вы, сэр. Тысяча извинений. Вчера вечером я вел себя с вами слишком грубо. Надеюсь, вы простите меня. Нам, морякам, так редко приходится слушать музыку и вращаться в светских кругах, что нас иногда заносит. Прошу прощения.

— Любезный мой сударь, — воскликнул господин в сюртуке, и его мертвенно-бледное лицо тотчас залилось странным румянцем. — Были все причины для того, чтобы вас, как вы выражае-

тес, занесло. Я в жизни не слышал лучшего исполнения — такая гармония, такой огонь! Не позволите угостить вас чашкой шоколада или кофе? Это доставило бы мне большое удовольствие.

— Вы очень добры, сэр. Мне бы это не помешало. Сказать по правде, я так торопился, что забыл позавтракать. — И добавил без всякой связи, с блуждающей улыбкой: — Я только что получил повышение.

— Да неужто? От всей души поздравляю вас. Прошу, входите.

При виде мистера Мэтьюрина официант покачал пальцем. Мэтьюрин пожал плечами и обратился к Джеку Обри:

— В эти дни почта удивительно задерживается. — Затем на каталанском наречии, на котором разговаривали жители острова, сказал: — Принеси-ка нам кофейник хорошенько взбитого шоколада, Джек, и сливок.

— Вы говорите по-испански, сэр? — произнес Джек Обри, усаживаясь и широким жестом раскидывая фалды своего мундира, чтобы освободить шпагу, отчего, казалось, вся зала на миг окрасилась в голубой цвет. — Говорить по-испански — это, должно быть, великолепно. Я часто пытался изучать его, а также французский и итальянский, но у меня ничего не получается. Меня обычно понимают, но когда говорят они, то говорят так быстро, что это сбивает меня с толку. Думаю, все дело вот в этом, — заметил молодой офицер, постучав себя по лбу. — То же было у меня с латынью в детстве. Ох, и порол же меня старый язычник! — Джек рассмеялся при этом воспоминании так заразительно, что его примеру последовал официант, который проговорил:

— А какой денек-то выдался, господин капитан!

— Чудесный день, — согласился Джек, доброжелательно взглянув на его крысоподобную физиономию. — В самом деле, *bello soleil*¹. Только, — добавил молодой моряк, выглянув в окно, — я ничуть не удивлюсь, если вскоре задует трамонтана — ветер с гор. — Повернувшись к мистери Мэтьюрину, он продолжил: — Как только я встал с постели нынче утром, я заметил зеленоватый оттенок неба на норд-норд-осте и сказал себе: «Как только стихнет бриз, я ничуть не удивлюсь, если его сменит трамонтана».

---

¹ Яркое солнце (*исп., фр.*).

— Удивительно, что вы находите трудными иностранные языки, сударь, — произнес мистер Мэтьюрин, который в погоде не разбирался. — Мне кажется, что человек с хорошим музыкальным слухом должен легко запоминать услышанное. Эти качества неразделимы.

— Думаю, с философской точки зрения вы правы, — отвечал Джек Обри. — Но что есть, то есть. Кроме того, вполне возможно, что мой музыкальный слух не идеален, хотя я действительно обожаю музыку. Одному небу известно, как трудно мне взять верную ноту в середине пьесы.

— Вы играете, сударь?

— Пиликаю понемножку, сэр. Время от времени терзаю скрипку.

— Я тоже! Тоже! Как только выдается свободное время, я тотчас возобновляю свои опыты с виолончелью.

— Благородный инструмент, — заметил капитан, и оба заговорили о Боккерини, смычках, канифоли, переписчиках нот, уходе за струнами, довольные обществом друг друга, пока не пробили уродливые часы с маятником в виде лиры.

Допив чашку, Джек Обри отодвинул стул:

— Уверен, вы меня простите. Мне нужно нанести целый ряд официальных визитов и встретиться со своим предшественником. Но я надеюсь, что смогу получить удовольствие — большое удовольствие, — пригласив вас на обед, дайте же слово, что не откажетесь!

— Буду весьма признателен, — произнес Мэтьюрин с поклоном. Оба оказались у двери.

— Тогда в «Короне» в три пополудни? — предложил Джек. — На службе мы не развлекаемся, и, если я буду голоден и зол, вы, уверен, простите меня. Заодно «обмоем швабру», а когда она достаточно намокнет, может, немного помузицируем, если не возражаете.

— Видели того удода? — воскликнул господин в черном сюртуке.

— А что это такое — удода? — спросил Джек, оглядываясь.

— Птица. Вон та желтовато-коричневая птица с полосатыми крыльями. Урира ерорс. Вон! Вон она, на крыше. Вон! Вон!

— Где? Какая еще упупа? И что вы в ней нашли?

— Улетела. Я надеялся увидеть ее с самого приезда. И где — посреди города! Счастлив Магон, если в нем водятся такие птицы. Прошу извинить меня. Вы завели речь о какой-то мокрой швабре?

— Ах, да. Флотский жаргон! «Швабра» — вот эта штукавина, — указал он на эполет. — И когда мы ее получаем, то мы ее «спрыскиваем», то есть выпиваем бутылку или две вина.

— Ах вот как! — произнес Мэтьюрин, вежливо наклонив голову. — Украшение, знак отличия, я правильно понял? Очень нарядная вещица, клянусь спасением души. Но, сударь, а вы не забыли надеть вторую?

— Что же, — засмеялся Джек. — Надеюсь, когда-нибудь надену оба эполета. А пока желаю вам удачного дня и благодарю за превосходный шоколад. Я рад, что вы наконец увидели своего упуа.

Прежде всего Джек должен был нанести визит своему непосредственному начальнику, морскому коменданту Магона. Капитан Харт занимал несколько комнат в дальнем конце патио большого аляповатого особняка, принадлежащего некоему Мартинесу, испанскому негодянту. Пересекая патио, Джек услышал звуки арфы, приглушенные ставнями, которые были закрыты, чтобы защитить обитателей дома от слепящего солнца. Оно быстро восходило, и по залитым солнечными лучами стенам уже торопливо карабкались ящерицы.

Капитан Харт был мал ростом и слегка походил на лорда Сент-Винсента. Чтобы усилить это сходство, он горбился и был очень груб с подчиненными, как это принято у вигов. То ли он недолюбливал Джека Обри потому, что тот был высокий, а сам он коротышка, то ли потому, что подозревал молодого моряка в шашнях со своей женой, — это не имело значения, в любом случае между ними давно существовала неприязнь. Он встретил Джека следующими словами:

— Послушайте, мистер Обри, где вы шляетесь? Я ждал вас вчера пополудни, да и Аллен ждал вас вчера. Я удивился, узнав, что Аллен вас так и не встретил. Разумеется, я желаю вам удачи, — продолжал он насупясь, — но, клянусь, у вас странное представление о том, как следует принимать на себя командование. Аллен, должно быть, милях в двадцати отсюда, а с ним и лучшая часть экипажа «Софи». Что касается всех бумаг, расписок, реестров

и всего прочего, то нам пришлось самим разбираться с ними. Весьма небрежно с вашей стороны.

— Так «Паллас» отплыл, сэр? — ужаснувшись, воскликнул Джек Обри.

— В полночь, сэр, — с удовлетворением уточнил капитан Харт. — Тяготы службы несовместимы с удовольствиями, мистер Обри. Я был вынужден лично составить счет на уплату портовых сборов.

— Я получил известие о моем назначении только вчера вечером. По существу, сегодня между часом и двумя ночи.

— Неужели? Вы меня удивляете. Я поражен. Пакет наверняка был отправлен вовремя. Несомненно, виновата прислуга вашей гостиницы. Не на всякого иностранца можно положиться. Желаю вам успешной службы. Только должен признаться, не представляю себе, как вы сможете вывести судно из гавани без экипажа. Аллен захватил с собой помощника, судового лекаря и всех толковых мичманов. Я же не могу выделить вам ни одной живой души.

— Что же, сэр, — отвечал Джек. — Думаю, мне придется довольствоваться тем, чем располагаю.

Разумеется, всех можно понять: любой офицер, получи он такую возможность, охотно перебрался бы с тихоходного старого брига на удачливый фрегат вроде «Палласа». По давней традиции, любой капитан, переходящий на другое судно, непременно брал с собой рулевого и преданных ему людей. А дай капитанам волю, они сманивали бы за собой всю команду.

— Могу предоставить вам судового священника, — произнес комендант, беря и без того большую рану в душе Джека.

— А что, капеллан может работать на палубе, брать рифы и стоять на руле? — отозвался Обри, решив не показывать вида, что раздосадован. — Если нет, то я, пожалуй, откажусь от его услуг.

— Тогда всего хорошего, мистер Обри. Пополудни я пришлю вам распоряжения.

— Всего хорошего, сэр. Надеюсь, миссис Харт дома. Я должен выразить ей мое почтение и поздравить ее. И непременно поблагодарить за то наслаждение, которое она доставила нам вчера вечером.

— Так вы были в резиденции губернатора? — спросил капитан Харт, хотя прекрасно знал об этом, строя козни с якобы запоздавшим приказом. — Если бы вы не интересовались кошачьими концертами, то, возможно, находились бы на борту собственного брига, как и подобает моряку. Пусть разразит меня Господь, но разве это дело, когда молодой офицер предпочитает итальянских скрипачей и евнухов шканцам своего первого корабля?

Джек пересекал патио, спеша к миссис Харт. Солнце, казалось, светило не так ярко, но припекало все сильнее. Он взбежал по ступеням, ощущая непривычную, но приятную тяжесть на левом плече. У комендантши он повстречал незнакомого лейтенанта и надутого мичмана, которого видел вчера: в Магоне было заведено наносить утренний визит миссис Харт. Она, очень нарядная, сидела за арфой, но, когда вошел Джек Обри, оставила инструмент, протянула ему обе руки и воскликнула:

— Капитан Обри, как я рада видеть вас! Тысячу поздравлений. Входите же, мы непременно должны спрыснуть вашу капитанскую «швабру». Мистер Паркер, прошу вас, позвоните в колокольчик.

— Желаю вам удачи, сэр, — произнес лейтенант, созерцая эплет, о котором сам так мечтал.

Отиравшийся тут же мичман не знал, смеет ли он раскрывать рот в присутствии столь блестящего общества, и, когда миссис Харт стала представлять друг другу своих гостей, он неуверенно прогрохотал: «Желаю удачи, сэр!» — и покраснел.

— Мистер Степлтон, третий офицер «Гериррьера», — взмахнув рукой, произнесла миссис Харт. — А это мистер Бернет. Он с «Изиды». Кармен, принеси нам мадеры.

Хозяйка была славная, энергичная женщина, и, хотя ее нельзя было назвать ни красавицей, ни хорошенькой, она умела произвести впечатление, главным образом благодаря великолепной посадке головы. Она презирала это ничтожество — мужа, который раболепствовал перед ней. Миссис Харт увлекалась музыкой, это скрашивало нерадостную семейную жизнь. Однако было похоже, что одной музыки ей недостаточно, — судя по тому, как привычно она наполнила бокал и осушила его.

Немного погодя мистер Степлтон распрощался, а затем, насладившись минут за пять великолепной погодой, не слишком жаркой для полудня благодаря свежему северному ветру, впрочем полезному для здоровья, — ведь здесь уже наступило лето, а оно предпочтительней холодного и дождливого апреля в Англии, — миссис Харт проговорила:

— Мистер Бернет, могу ли я вас просить об одном одолжении? Я оставила свой ридикюль в губернаторском особняке.

— Как восхитительно вы играли, Молли, — произнес Джек, когда дверь закрылась.

— Джек, как я счастлива, что у вас наконец-то свой корабль.

— Я тоже. Пожалуй, еще никогда в жизни я не чувствовал себя более счастливым. Еще вчера я был настолько раздражен, у меня было такое мрачное настроение, что я готов был повеситься, а когда пришел в гостиницу, то обнаружил вот эту депешу. Разве она не стоит всех сокровищ мира? — Оба принялись читать ее в почтительном молчании.

— «...Ни вы, ни кто-либо из ваших подчиненных не вправе уклониться от своих обязанностей под страхом наказания», — прочла вслух миссис Харт. — Джек, прошу вас, умоляю, не пытайтесь захватывать нейтральные суда. Тот барк с Рагузы, который прислал бедняга Уилби, не конфискован, и его владельцы намерены подать на него в суд.

— Не тревожьтесь, милая Молли, — отозвался молодой офицер. — Я еще не скоро смогу захватывать какие бы то ни было суда, уверяю вас. Пакет прибыл с задержкой — подозрительной задержкой, черт бы ее побрал, — и Аллен ушел в море, забрав лучших матросов. Ему так срочно приказали отплыть, что я не смог с ним встретиться. И еще комендант подлил масла в огонь, используя остальных людей для портовых работ. Не осталось ни одного свободного человека. Похоже, что нам из гавани не выйти. Полагаю, нам придется долго прозябать на берегу, прежде чем мы учуем хотя бы запах приза¹.

— Даже так? — покраснев, воскликнула миссис Харт.

---

¹ Приз — захваченное торговое судно противника, иногда — под нейтральным флагом.

В этот момент вошли леди Уоррен и ее брат, капитан морской пехоты.

— Дражайшая Анна, — взволнованно проговорила Молли Харт, — подойди же ко мне и помоги исправить возмутительную несправедливость. Это капитан Обри — вы знакомы?

— К вашим услугам, мадам, — проговорил Джек, очень почтительно поклонившись: ведь перед ним была адмиральская супруга.

— Весьма храбрый и достойный офицер, тори до мозга костей, сын генерала Обри, и представьте, с ним обходятся самым отвратительным образом...

Пока Джек Обри находился в доме коменданта, жара усилилась, и, когда он вышел на улицу, воздух, пахнувший ему в лицо, был так горяч, словно превратился в жидкую лаву. Однако душно от него не было, он будто источал какое-то сияние, облегчавшее зной. Повернув пару раз, молодой офицер добрался до усаженной деревьями улицы, соединявшейся с дорогой на Сьюдадела, которая спускалась к площади, вернее, террасе, возвышавшейся над гаванью. Он перешел на тенистую сторону площади, где английские дома с подъемными рамами, полуциркульными окнами над входами и булыжными внешними дворами мирно соседствовали с иезуитским храмом в стиле барокко и угрюмыми испанскими особняками, над парадными дверями которых красовались внушительные гербы.

По противоположной стороне шла пестрая компания матросов. На одних были полосатые, на других — обычные парусиновые штаны; некоторые щеголяли в нарядных алых жилетах, иные остались в форменных синих куртках. У кого-то, несмотря на жару, на голове были матерчатые шапки, многие предпочитали широкополые соломенные шляпы или платки. Но у всех — длинные косички и та особая стать, которая сразу выдавала в них военных моряков. Они были с «Беллерофона», и Джек жадно смотрел на них, проходивших со смехом мимо и что-то негромко кричавших своим друзьям — англичанам и испанцам. Он приблизился к площади и сквозь молодую листву мог видеть на проти-

воположной стороне гавани бом-брам-стенги и брам-стенги «Женерё», на которых сушились поблескивавшие паруса. Оживленная улица, зелень, голубое небо — этого было достаточно для того, чтобы у любого затрепетало жаворонком сердце, и Джек был готов воспарить душою, но лишь примерно на три четверти. Оставшаяся на земле четверть была озадачена подбором экипажа. Головная боль, связанная с набором команды, была знакома ему с самого начала службы на военном флоте. Недаром первое серьезное ранение он получил от одной женщины в Диле, огревшей его утюгом: она считала, что ее мужа не стоит подбивать служить на флоте. Но он не ожидал столкнуться с теми же трудностями в самом начале своей капитанской карьеры, не думал, что ему будут строить такие козни, да еще здесь, в Средиземноморье.

Теперь он оказался на площади, украшенной деревьями благородных пород и двумя винтовыми лестницами, спускающимися к причалам, — еще добрую сотню лет назад британские моряки окрестили их «Поросячьими хвостиками» — тут было без счету сломано рук, ног и разбито голов. Он подошел к невысокому парапету, соединявшему верхние площадки лестниц, и стал разглядывать огромное замкнутое водное пространство, слева простиравшееся до видневшейся вдали высшей точки гавани, а справа — до госпитального острова и находящегося в нескольких милях узкого входа в нее, защищенного крепостью. Слева от Джека виднелись торговые суда: десятки и даже сотни фелюк, тартан, шебек, пинк, полакров, полакров-сетти, houarios и барок-лонга — словом, все типы средиземноморских судов и множество других, пришедших из северных морей, — боты для ловли трески, кэты, «сельдяной» флот. Впереди и справа от него стояли военные суда: два семидесятичетырехпушечных линейных корабля; изящный двадцативосьмипушечный фрегат «Ниоба», экипаж которого наносил ярко-красную полосу вдоль борта пониже линии, испещренной пушечными портами. Стройный транец делал фрегат похожим на испанские корабли, которыми так восхищался его командир. Там же стояли транспортные и другие вспомогательные суда, а между ними и лестницами, которые вели на набережную, сновала взад-вперед всевозможная посыльная мелочь — баркасы, катера, спущенные с линейных кораблей, тендеры, йолы,

гички и даже еле ползущая судовая шлюпка с бомбометного кеча «Тартарус», осевшая под тяжестью призовых денег так, что до воды оставалось каких-то три дюйма. Еще правее великолепная линия набережной загибалась в сторону эллинга, артиллерийских и продовольственных причалов. Далее был карантинный остров, скрывающий множество других судов. Джек напряг зрение и уперся ногой о парапет в надежде хоть краешком глаза увидеть свою новую отраду, но напрасно. Он неохотно повернул налево, где находилась контора мистера Уильямса. Мистер Уильямс был местным представителем гибралтарского призового агента Джека, его контора размещалась в солидном здании фирмы «Джонстон и Грейам». Именно эта контора являлась следующим и весьма необходимым портом захода. Помимо того что Джек ясно понимал, насколько глупо носить золото на плече и не иметь его в кармане, он остро нуждался в наличных для целого ряда серьезных и неизбежных расходов на разные подношения, взятки и прочее, чего нельзя было получить в кредит.

Он вошел с крайне уверенным видом, словно только что лично одержал победу в битве на Ниле. Приняли его радушно, и после того, как с делами было покончено, агент спросил:

— Полагаю, вы виделись с мистером Болдиком?

— Лейтенантом с «Софи»?

— Именно.

— Но он же отплыл с капитаном Алленом, он на борту «Палласа».

— Тут вы, сэр, некоторым образом ошибаетесь, если можно так выразиться. Он в госпитале.

— Вы меня удивляете.

Агент улыбнулся и, пожав плечами, укоризненно развел руки: он говорит правду, а Джек вздумал удивляться. Однако агент доказал свою осведомленность.

— Он сошел на берег накануне под вечер, и его отправили в госпиталь с легкой лихорадкой. Небольшой госпиталь за монастырем капуцинов, а не тот, что на острове. Сказать по правде... — Тут агент прикрыл ладонью рот и вполголоса продолжал: — Он и судовой врач «Софи» не переваривают друг друга, и перспектива оказаться в руках враждебно настроенного эскулапа во время

плавания ничуть не устраивала мистера Болдика. Несомненно, как только он поправится, то присоединится к ним в Гибралтаре. А теперь, капитан, — продолжал агент, натянуто улыбаясь и пряча глаза, — смею обратиться к вам с просьбой, если позволите. У миссис Уильямс есть молодой кузен, который страсть как хочет плавать. Впоследствии он намерен стать казначеем. Мальчик он сообразительный, и у него превосходный, четкий почерк. Он работает у нас в конторе с Рождества, и я убедился, что он хорошо считает. Поэтому, сударь, если у вас нет никого на примете на должность писаря, то вы бесконечно меня обяжете... — Улыбка на устах агента то появлялась, то гасла: он не привык кого-то упрашивать, тем более морских офицеров, и чувствовал себя крайне неловко, боясь отказа.

— Признаться, — поразмыслив, произнес Джек, — на примете у меня никого нет. Разумеется, вы за него отвечаете? Тогда я вот что вам скажу, мистер Уильямс. Если вы найдете мне толкового моряка, то я возьму вашего мальчика.

— Вы это серьезно, сэр?

— Да... пожалуй, что да. Ну конечно да!

— Тогда по рукам, — отозвался агент, протягивая ладонь. — Вы не пожалеете, сэр, даю слово.

— Я в этом уверен, мистер Уильямс. Хотелось бы взглянуть на него.

Дэвид Ричардс оказался обыкновенным, бесцветным юношей. Бесцветным в буквальном смысле, не считая нескольких лиловых прыщей на лице. Но было что-то трогательное в его сдерживаемом волнении и отчаянном желании угодить. Ласково посмотрев на него, Джек Обри проговорил:

— По словам мистера Уильямса, у вас хороший и четкий почерк, сэр. Вы не смогли бы написать для меня записку? Она предназначена штурману «Софи». Как его звать, мистер Уильямс?

— Маршалл, сэр. Уильям Маршалл. Я слышал, что он превосходный штурман.

— Тем лучше, — отозвался Джек, вспомнив собственные сражения с хитроумными штурманскими таблицами и странные результаты, которые он при этом получал. — Итак, «мистеру Уильяму Маршаллу, штурману шлюпа Его Величества „Софи“». Капитан